

Елена Толстая
Директор театра — Мальвина:
Л. В. Шапорина и А. Н. Толстой

«*Моя слезница*».¹ Толстой жил с 1923 г. в Петрограде (Ленинграде с 1924 г.), летом снимая дачу в Детском Селе (как было переименовано Царское Село). В 1928 г. в журнале «Новый мир» вышел его роман «Восемнадцатый год». Это была не лучшая его вещь, но она принесла ему признание властей и укрепление статуса. С 1928 г. он поселился в Детском Селе постоянно, арендуя там дом и лишь изредка бывая в городе. В том же городке вокруг толстовского гостеприимного дома собрались Константин Федин², исторический романист Вячеслав Шишков и композитор Юрий Шапорин. Подробное описание жизни этого детскосельского кружка находится в одном из самых интересных свидетельств о ленинградской литературной жизни сталинской эпохи. Это дневники Л. В. Шапориной (ур. Яковлевой, 1877—1967), театрального художника, режиссера, переводчицы, мемуаристки, хранящиеся в ОР РГБ и покрывающие период с 1917 до 1957. Они до сих пор не стали известны читателю полностью: лишь часть их, относящаяся к периоду революции и двадцатым годам, опубликована покойной В. Ф. Петровой: Шапорина-Яковлева Л. В. «Хочу записывать дела наших дней». «Рукописные памятники». Публикации и исследования. Вып. 1. СПб. 1996. С. 111—155. Позднее Шапорина подробно описала сталинский террор через призму повседневной жизни. Выборки из ее дневника, касающиеся преследований ленинградской интеллигенции во второй половине 1930-х гг., легли в основу новейших исторических исследований сталинской

© Elena Tolstaja, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Пока писалась эта статья, в печати появился полный текст Дневника Л. В. Шапориной, который был доступен мне лишь частично: Шапорина Л. В. Дневник. Ч. I—II. М., НЛО, 2011.

² Федин подробнее, иногда с восхищением, однако без особой любви посмертно изобразил Толстого, которого он знал по Берлину двадцатых, а затем по Детскому Селу, в своих романах конца сороковых годов «Необыкновенное лето» и «Первые радости».

эпохи³. Однако часть записей оставалось неопубликованной, в том числе те, что посвящены общению Шапориной с ее ближайшими соседями и друзьями по Детскому Селу, где она поселилась в 1929 — а именно с семьей Алексея Толстого и его жены Наталии Васильевны Крандиевской-Толстой. Я воспользовалась этой частью ее рукописного наследия еще при жизни В. Ф. Петровой и с ее любезного разрешения. Шапорина оставила множество свидетельств о том, как под растлевающим влиянием власти и при все растущем обособлении элиты от народа происходила моральная эрозия близкой и дорогой ей семьи Толстых.

Любовь Васильевна Яковлева⁴ в 1908 г. занималась в Париже у Е. С. Крутливой в «Академии офорта» и на ее журфиксах познакомилась с Толстым. Мастерскую Крутливой посещал и Юрий Шапорин, начинающий композитор (1887—1967). В 1913 г. Яковлева вышла замуж за Шапорина. В 1918 г. художественная интеллигенция осталась без заработков и пошла служить: на службе давали паек. Расцвели новые студии и театры, при которых можно было выжить. В Петрограде Л. В. Шапорина-Яковлева организовала «Первый государственный театр марионеток». Он возник на базе первого кукольного театра Ю. Слонимской и П. Сазонова, пионеров жанра, начавших возрождение кукольного театра еще в 1916 г. В 1917 г. Шапорина сделала для них эскизы декораций к пьесе Гоцци «Зеленая птичка» в своем переводе. Сазонов уехал в Крым, Слонимская эмигрировала в Париж. Режиссером театра Шапориной стал К. К. Тверской⁵, а работали ее подруги: вернувшаяся из Парижа Елизавета Крутли-

³ *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. Ed. by Veronique Garros, Nathalia Korenevskaya, and Thomas Lahusen. New York. The New Press. 1995; Ian MacDonald. *Writing about Shostakovich: Lyubov Shaporina's Diary and Shostakovich's Symphonies 4—6*. DSCJ Journal No. 13. July 2000. (<http://www.siue.edu/~aho/musov/shaporina/shap.html>). *Дневник блокадных лет* вошел в документальное исследование: Cynthia Simmons, Nina Perlina, John Harris (Ed.) *Writing the Siege of Leningrad. Women's Diaries, Memoirs, and Documentary Prose*. Фрагмент, рассказывающий о встречах Шапориной с Ахматовой, опубликован по-русски в «Ты выдумал меня...»: статьи и воспоминания об Анне Ахматовой. (<http://akhmatova.org/articles/solonovich.htm>).

⁴ Она была в той лодке, которая перевернулась во время прогулки по Финскому заливу, когда утонул художник Сапунов (1880—1912), русский художник-символист, связанный с группой «Голубая роза». <http://krugosvet.ru/articles/78/1007859/1007859a1.htm>

⁵ Тверской (Кузьмин-Караваев) Константин Константинович (1890—1944), режиссер, позднее режиссер и художественный руководитель БДТ. С 1936 г. выслан в Саратов. Репрессирован.

кова⁶, скульптор Елена Янсон⁷; художница по фарфору Елена Данько⁸ стала и драматургом театра, где шли ее «Сказка о царе Салтане» и «Красная Шапочка», инсценировки сказок С. Радлова, осовремененная классика. Музыка для театра писал Ю. Шапорин. Театр с Литейного при поддержке М. Ф. Андреевой переехал в Народный Дом, но с начала НЭПа был вынужден оттуда перейти в ТЮЗ, а в конце концов попал в ведение Объединения Предприятий при бирже труда: началась кочевая жизнь. Все же Шапорина и в этих условиях поставила в своем театре «Дон-Кихота», пьесу Б. Папаригопуло⁹ (Смирнова *passim*).

Вялотекущий развод. В начале 1920-х гг. отношения Шапориных осложнились, и в 1924 г. она с двумя детьми уехала в Париж. В 1928 г. Шапорин поехал за ними и привез в Россию (Шапорина 1996: 140–141). Театр, пришедший в упадок, возродить не удалось, в 1930 г. он был объединен с Театром Петрушки ТЮЗа (Деммени 1934, 1986), и она руководила им вместе с Деммени (Смирнова *passim*; Кострова), но вскоре была уволена. С 1930 г. Любовь Васильевна без работы, ей 50 лет. В 1929 г. муж предлагает ей развод, и она с детьми перебирается из Ленинграда в Детское село, где становится соседкой, а вскоре — и другом семьи Толстых: «И как хорошо здесь в Царском. Как все красиво — парки, озера, дворцы, домики, дух Пушкина. И после озлобленного Ленинграда с его зверскими трамваями — благодушное настроение Детского, доброжелательные соседи, милые Толстые. Что бы кто не говорил — я люблю А. Н. и ее также. Уж очень он красочен и талантлив» (Шапорина 1996: 142). В 1932 г. от болезни сердца умирает их одиннадцатилетняя дочь Алена. В это время Шапорин возвращается в семью, сохраняя свои отношения с другой женщиной. Шапорина устроиться на работу не

⁶ Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941) — художник-график, перед Первой мировой войной провела более десятилетия в Париже, где в ее мастерской собиралась русская художественная и литературная элита.

⁷ Янсон-Манизер Елена Александровна — известный в 1930-е гг. советский скульптор, специализировалась по декоративно-монументальной скульптуре (парковой и украшавшей станции метро).

⁸ Данько Елена Яковлевна (1898–1942) — в первой половине 1920-х работала на Ломоносовском заводе, потом стала детской писательницей. Писала об изобретении фарфора («Китайский секрет», 1929) и о кукольном театре (Деревянные актеры», 1929). Автор многочисленных инсценировок. Написала продолжение «Золотого ключика» — повесть «Побежденный Карабас» (1941).

⁹ Папаригопуло Борис Владимирович (1899–1951) — ленинградский писатель, драматург, в начале 20-х входил в группу эмоционалистов (К. Вагинов, В. Дмитриев, М. Кузмин, Адр. Пиотровский, Анна Радлова, С. Радлов, Юр. Юркун). Автор исторического романа «Штурм Измаила» (1948).

может и тянет лямку совместной жизни не в последнюю очередь из-за денежной зависимости от мужа.

«Полина Гель» и «Декабристы». По возвращении Толстого в Россию Шапорин пишет музыку для толстовских пьес, а к столетию декабрьского восстания они начинают писать оперу о декабристах. Алексей Толстой совместно с историком П. Е. Щеголевым¹⁰ пишет либретто «Полина Гель» на основе подлинной истории дочери французского эмигранта, Жанетты Поль, урожденной Гель, которая добилась разрешения выйти замуж за сосланного на каторгу декабриста Ивана Александровича Анненкова (1801—1878), уехала к нему в Читку и обвенчалась с ним. Впоследствии она написала об этом книгу «Записки жены декабриста П. Е. Анненковой» (по-русски они вышли вскоре после Февральской революции). «Полина Гель» («Новая Россия» № 1, 1926 г.; ПСС:11:505—542) написана прозой, но пестрит ямбическими фразами и словосочетаниями. В публикации она названа была «драматической поэмой», возможно, потому, что либретто — служебный жанр.

Легко почувствовать, в чем было очарование этого замысла для Толстого и Шапорина: оба годы ученичества провели в Париже, Толстой был там и в эмиграции. Опера строится на контрасте солнечного Парижа и хмурой, ледяной России. Из дочери эмигранта Полина сделана свободолюбивой демократкой; она воплощает человеческое достоинство и примат личного начала. Политические идеи декабристов проистекают из их влюбленности во Францию — край легкомысленной свободы и любви. Россия — это царство деспотизма на всех уровнях, семейном, помещичьем и государственном. За историческим контрастом угадывался контраст несвободной, неудобной, злобной пореволюционной России и эмигрантской жизни, которая, отодвинувшись, должна была уже казаться, при всей ее необеспеченности, вольной, безалаберной и милой. Однако, работа над «Декабристами» шла медленно: взятые авансы накапливались, отношения с театральными властями ухудшались. Шапорина стала сотрудницей мужа — взяла на себя дисциплинирующую функцию. Тем больше было у него причин ненавидеть и бывшую жену, и опе-

¹⁰ Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк, литературовед, писатель. Публикатор дневников декабристов, автор знаменитой книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1916). В 1920-х гг. сотрудничал с Толстым. Их совместно написанные произведения — пьесы «Заговор императрицы» (1925) и «Азеф» (1925). Им принадлежала и литературная мистификация — публикация дневников Анны Вырубовой в конце 1920-х гг. из-за этой публикации был закрыт журнал «Минувшие дни». Толстой разболтал тайну их второй мистификации, «Дневника Распутина», оставшегося неопубликованным из-за огласки.

ру. Она делала и работу исследователя для композитора, слабо знакомого с эпохой: охотилась за старинными сборниками фольклора и томиками поэтов-декабристов. Записи Шапориной позволяют заглянуть в технологию процесса работы над либретто: традиционно все стихотворные тексты для драматических произведений Толстого писала Н. В. Крандиевская¹¹: но в данном случае перед нами «производство», в котором занято слишком много людей — верный рецепт провала: «Толстой переделывает, плохо; пишу я, иду к Старчакову¹² — пошло; — иду к Нат<алье> Вас<ильевне>. А чего проще — написать арию — а та же Нат<альа> Вас<ильевна> позже напишет слова». Часто Любовь Васильевна обращается прямо к Наталье Васильевне. Так происходит сближение двух этих женщин, «злополучной» Шапориной и «счастливицы» Крандиевской. Их сближает неприятие слишком многого и в первую очередь распада нравственных основ, который поражает их близких. Попытки «талантливой и беспутного» Юрия Шапорина, сбежать от не склонной его одобрять Любви Васильевны, в сочетании с ее культурным лидерством и ролью ментора и воспитательницы, могли и в Толстом будить сходные импульсы. Разводы, как и свадьбы, заразительны — а в случае Шапориных перед нами развод, растянувшийся на десять лет.

На строгий глаз. Первоначальная очарованность вскоре проходит, и Шапорина записывает свои весьма некомплементарные оценки толстовских взглядов. Самым предосудительным ей кажется отношение Толстого и его семьи к современному состоянию русского народа:

¹¹ Крандиевская (Крандиевская-Толстая) Наталья Васильевна (1888—1963) — поэтесса, жена Толстого в 1915—1935 гг.

¹² Старчаков Александр Осипович (1892—1937) — советский журналист. Родился в 1893 г. в Киеве, еврей; член ВКП(б) в 1919—1936. Арестован 4 ноября 1936 г. Приговорен: Военная коллегия Верховного суда СССР, выездная сессия в г. Ленинград 19 мая 1937 г., обв.: 58-8-11 УК РСФСР. Расстрелян 20 мая 1937 г. Старчаков заведовал ленинградским отделением газеты «Известия», приятельствовал с Толстым, жил в Детском Селе, а порой и у Толстых. Был автором книг «А. Н. Толстой в портретах и иллюстрациях» (1934), «А. Н. Толстой. Критический очерк» (1935), Предисловия к Собранию сочинений Толстого 1935 г., а также и его соавтором, прежде всего в публицистике. В 1932 г. Толстой со Старчаковым написали оперное либретто для новой оперы Шостаковича «Оранго». Герою оперы стал иностранный журналист, из-за неудачного биологического эксперимента ставший полуобезьяной (подробнее об этом см. Шапорина Л. В. Дневник. Ч. 1.:116, и прим. 296:527). Либретто считалось утерянным, а опера — ненаписанной, пока в 2004 г. в рукописном отделе Музея им. Глинки не были обнаружены и либретто, и партитура готовой оперы. «Оранго» была исполнена в 2009 г. в Лос-Анжелесе. Вслед за этим соавторы написали лубочную производственную драму «Патент 119» (1933).

3.IX.1930. Толстой пишет Петра — с точки зрения культурного европейца 20-го века, который в ужасе смотрит на чуждость и пьянство Петра, несчастное и забытое положение крестьян. В современном же положении тех же крестьян он не видит ничего ужасного. <...> Сам А. Н. ездил на Валдай, был на свадьбе у крестьян, и пришел в ужас от ритуала, «это такое глубокое мещанство». Он не замечает, что за неимением культуры — этот устаревший ритуал, этикет, которым восхищался еще Лев Толстой, служит воспитывающим, сдерживающим началом. Всякая традиция — уже культура. Неужели лучше интеллигентские ~~свадьбы~~ ~~свадьбы~~ ~~вроде~~ ~~Юрия~~ (так в оригинале — Е. Т.) — без ритуала, без любви — одна физиология».

Действительно, у Толстых к народу — страх, отвращение и ненависть, сравнимые, пожалуй, только с отношением к крестьянству Горького. Тем временем надвигается коллективизация, ожидаются голод и всяческие бедствия. В этой ситуации Толстой не верит пессимистическим прогнозам, которые оглашает Шапорин, а утверждает, что в магазинах все есть:

3.IX.1930. Зашли на днях вечером к Т. — Юрий уверял, что будет голод, т. к. при раскулачивании крестьянства — 45% населения должны сесть на государственное попечение. — Какой может быть разговор о голоде, сказал А. Н., когда у ЛСПО всё есть. «Вчера мы были у Фёдорова. Жрали устрицы, цыплят в сухарях, черт знает что еще — всего за 12 рублей с рыла.

Далее Шапорина рассказывает, как Наталия Васильевна приглашала всех бездетных идти обедать на Детскосельском вокзале. На другой день Петров Водкин, Шишков и Пришвин проверили это, получили, естественно, совершенно несъедобную еду — и принялись подтрунивать над Н. В., сравнивая ее чересчур наивное суждение с (мифической) фразой Марии-Антуанетты: «*S'ils n'aiment pas de pain que ils mangent de la brioche*».

Уже после коллективизации Шапорина иллюстрирует стиль разговоров о народе у Толстых, приводя свой спор с шестнадцатилетним Никитой Толстым (запись 21.IV.1933). Очевидно, она говорила ему о страданиях народа, вызванных коллективизацией, о бедности крестьян, которые почему-то не считаются пролетариями, потому что Никита возразил: «Крестьяне — не пролетариат, мы хотим из них сделать сельскохозяйственных рабочих». Толстой перебил его: «Люба — крестьяне, мужик — это свинья. Это (2 слова зачеркнуто)

тысячелетнее свинство, за которое мы нынче расплачиваемся». — А я, как раз, принесла Нат. Вас. сборник песен, выбрав там женскую песню для оперы, чудесную песню: «Ах, молодость, молодость, чем и вспомнать тебя». И Любовь Васильевна, вопреки отцовскому наставлению, возражает Никите: «...Если бы крестьянство, народ — было только свинство — мы не могли бы создать песен, как нет нигде в мире». — Никита парирует: «Это отдельные талантливые личности». Кончается диалог все-таки победой Шапориной — да и Толстой перебегает на ее сторону: «тут уж все, в особенности Толстой, меня поддержали».

В записи 10.V.1931 Любовь Васильевна находит повод противопоставить Толстому с его отношением к России даже неизмеримо более слабого писателя — Вячеслава Шишкова :у Шишкова есть «теплота внутренняя, чего нигде нет у Толстого»: по ее мнению, Толстой «никого не любит из своих героев, он и Петра не любит, — он видит их внешнюю и анекдотическую часть их жизни. Он и Россию не любит, Шишков и Федин и любят и болеют душой, «жалуют» — как говорят у нас в Вяземском уезде». Но справедливо ли объяснять охлажденный, нарочито объективный нарратив Толстого в «Петре» его якобы отсутствием сочувствия России? Мог ли современный нарратив быть иным — после живописных ужасов Бабеля, после «ледяных глаз» Ветлугина — не выходя наивно? Бесспорным зато обвинением в адрес Толстого была его литературная нечестность, отталкивающая от него даже его друзей.

5.III.1932. Юрий (Ш.) рассказал, что когда должен был состояться суд над Т. за Бунт Машин Чапека, Щеголев П. Е. созвал Замятина, Никитина, Феина — и сказал: «Конечно, Граф проворовался, но мы должны его выпорочить». Толстого оправдали, после чего они пошли в кабаки и здорово напились. Впоследствии Толстой предал и Щеголева и Замятина. К чему это его приведет?

В 1923 г., вернувшись в Россию, Толстой явил примеры ни с чем не сравнимого литературного поведения. Переработка собственного романа о революции в советском духе (вышел в 1925) сопровождалась в 1924 г. вопиющим плагиатом пьесы Чапека о роботах «R.U.R.»¹³ (1920), перевод которой Толстой «переработал» и выдал за свое сочинение. Скандал и литературный суд произошли в 1925 г. Толстой был настолько уверен, что все ему сойдет с рук, что как буд-

¹³ Сокращение фразы Rossumovi universalni robotari. — универсальные работники Россума (т. е. роботы).

то испытывал границы возможного. Действительно, о литературной нечестности Толстого говорилось вполголоса, приятели покрыли его плагиат¹⁴. Говоря о предательстве, Шапорина могла намекать на поведение Толстого во время кампании 1929 г. по смещению Замятина с поста председателя ленинградского Союза писателей: хотя решение, по свидетельству самого Замятина, было вынесено под давлением свыше¹⁵, все же Толстой мог хотя бы попытаться ему противостоять. Предательством Щеголева мемуаристка могла назвать то, что после его смерти в 1931 г. Толстой и Шапорин начали изымать из либретто следы раннего этапа замысла, чтобы не делить гонорар с наследниками Щеголева.

Иногда кажется, что Шапорина чересчур строга к Толстым: по ее мнению, беспринципность хозяина уже начинала сказываться и на атмосфере толстовского дома. Она винила Толстого за его неспособность противостоять внешним влияниям. Так, к маленькому Мите Толстые наняли было «архирелигиозную» гувернантку, но из этого ничего не вышло: «а теперь Митя октябренок, а Никита пионер, — а за границей Фефа был бойскаутом. Тут не смена вех, а отсутствие каких бы то ни было вех — замена убеждений чутьем, где выгоднее и безопаснее» (24.XI.1930). Родители, видя, как антирелигиозное воспитание влияет на старшего, решили отыграться на младшем сыне. Однако благочестивая женщина, нанятая ими, не вписалась в безалаберный стиль толстовского семейства, а самое главное, мальчик этих занятий всячески избегал (Толстой Д. 1995:21), и с ней пришлось расстаться. Речь идет скорее о неудачном выборе воспитательницы. При этом Шапорина не заметила, что в том же 1930 г. Толстые поселили у себя во флигеле в Детском священника — отца Константина с попадьей, записав их дальними родственниками (Толстой Д. 1995: 20—21). Через два года Толстые в ужасе наблюдали, как подрастающий Никита в порядке борьбы с опиумом для народа участвовал в сносе царкосельской церкви,¹⁶ ср.: «Когда в Детском

¹⁴ В 1926 году другой сменовеходец и возвращенец, писатель Глеб Алексеев заявил, что Толстой использовал сюжет его пьесы «Жилой дом» для своей пьесы «Чудеса в решете», и потребовал половину гонорара. Толстой вызвал Алексеева на третейский суд, и суд не нашел между пьесами ничего общего (Переписка-2: 26).

¹⁵ После проработки, на которую Замятин не явился, К. А. Федин сообщал ему: «Разброд и растерянность правления достигли страшных размеров. Решения принимались наспех и под таким чудовищным давлением, что под конец все чувствовали себя совершенно раздавленными. Правление «было взято» измором... чтобы правление вынесло окончательное решение по твоему вопросу <...> Общее собрание приняло резолюцию, осуждающую и тебя, и Пильняка» (Андроникашвили 1994:146).

¹⁶ Н. В. писала Толстому 10 января 1932 г.: «Кстати, безбожник Никита за это время «ликвидировал» Екатеринбургский собор в Детском Селе — бабушки в панике. Как

разрушили собор, папа был вне себя от возмущения и потом долгое время пребывал в подавленном состоянии (Толстой Д. 1995:20). Шапорина обвинит Толстых даже в безбожии:

2.V.34. Безбожие, диллетанство, благерство и похабничанье, вот во что вылилось все толстовское малодушие, их жизнь. <...> Митя, ему 11 лет, говорит *des énormités*, не понимая их смысла вроде таких перлов — он нам третьего дня рассказывал, что оклеили столовую очень яркими оранжевыми обоями — «совсем публичный дом получился». Марианна — ты просто б... (только первую букву, т. к. самого слова по-видимому не знает, — но что-то слышал.) <...> Никита говорит только двусмысленности и перед Васей и Аленой изображает блазированного старого Дон-Жуана (ему 17 лет).

Никакой дисциплины в работе и никакой работоспособности — несмотря на пример Ал. Ник, который работает много, систематически — всю жизнь работал.

Шапорина возмущается толстовским духом, потому что начинает опасаться за влияние этого духа на своего подрастающего сына:

Нам надо уехать из Детского Села, для Васи, и не только потому, что ему трудно, не по силам часто ездить в город, а так же из-за разлагающего влияния Толстых. <...> Богатство развращает людей, а Васе подает плохой пример, развивает его требовательность, потому что он невольно хочет равняться по Никите (там же).

Причем речь здесь вовсе не о дурных поступках — пока еще только создана специфическая атмосфера словесной вседозволенности и общей разболтанности. Любовь Васильевну более всего смущает разнузданный лингвистический разврат толстовского дома, перенимаемый детьми.

И странно это — Алексея Николаевича я знаю с 1908 г. — срок большой. Он прекрасный семьянин и только в семье искал любви. Разврата, распущенности не было никогда. Первый раз он женился 19 лет! — Потом была Соня — они разошлись по ее вине. Затем с 15го кажется года Наталья Васильевна. Весь его интерес в ней, в семье, в доме. Самый добродетельный че-

ни дик этот факт сам по себе, но надо признать, что он последовательно и неизбежно логичен. Раз комсомол, то и все вытекающее из него надо принимать или не принимать, не так ли? <...> И вот тебе «горькие шутки Вельзевула» — сын мой ликвидирует церковь, в которой я молюсь» (Греков:323).

ловец, — но язык похабный до последней степени, какой-то словесный блуд, который на детей имел самое отрицательное влияние (там же).

Шапорина в распущенности языка видит опасность морального растления. На наш взгляд, она заблуждается. Языковый «разврат» для Толстого был отдушиной, вентилем, суррогатом свободы, охраняющим моральную основу его семейной жизни. Забегая вперед, можно с уверенностью сказать, что некоторая вербальная раскованность отнюдь не наложила отпечатка безнравственности на детей Толстых. Расставшись с семьей, в новую свою жизнь Толстой языковую и бытовую разнузданность с собой не взял: новый его круг ее бы не оценил, и прежде всего по причине собственной культурной неуверенности.

Towards Gorki. В 1932, через девять лет после своего возвращения из эмиграции в Советскую Россию, Толстому дают разрешение на поездку за границу: Шапорина свидетельствует о первоначальном его шоке и испуге:

5.Ш.1932. На днях мы ужинали у Бонч-Бруевича. Были Толстые, композиторы, Мар. В. < пианистка Мария Вениаминовна Юдина — Е. Т.><...>. Нат. Вас. вызвали к телефону. Она вбежала оттуда сияющая — разрешили А. Н. ехать за границу. Толстой вышел из соседней комнаты: Алеша, звонили, пришла из Москвы телеграмма: приезжайте получением документов выезда за границу Халатов. — У Ал. Н. выражение лица было такое, как будто прочли приказ о наказании его розгами.

Неправда, пушку заливаете! — Честное слово, Надя звонила. — Ну хорошо. Тут стали играть, а потом пошли ужинать. Ал. Ник., выпив немного, обратился к нам всем. Граждане — где, в какой Европе я найду такой круг, такое общество. Я ставлю вопрос на голосование и даю слово поступить так, как вы решите: ехать мне за границу или нет?

Нат. Вас. (по наивности на мой взгляд) разъяснила: видите ли, Генрих (Пельтенбург¹⁷) был за границей, побывал везде, видел всех и рассказал, что эмигранты так возмущены «Черным

¹⁷ Голландский подданный Генрих Осипович Пельтенбург, с начала НЭПа и по 1935 — представитель нидерландской лесоторговой фирмы «Лео Пельтенбург» в Ленинграде. Голландский купец 18 века лесоторговец Генрих Пельтенбург изображен Толстым в романе «Петр Первый» в качестве одного из первых иностранных купцов, завязавших торговые отношения с петровской Россией. Его прототипом был, очевидно, хозяин фирмы, дядя Генриха — Лео Пельтенбург, встретившийся в Амстердаме с Толстым. Жена Г. Пельтенбурга Августа Николаевна, ур. Бычкова; была сестрой актрисы МХАТ М. Н. Германовой.

золотом»¹⁸, что решили Алешу побить, как только он приедет. Голоса разделились. Большинство было за то, чтоб не ехать — мы с <Юдиной¹⁹> воздержались и я мотивировала это так — Если не хочется ехать — насиловать себя не стоит. Но бояться эмигрантов — чепуха. Живет себе Горький все время в Сорренто, — обливает эмиграцию помоями, а эмиграция на него не обращает ни малейшего внимания и никто его ни разу не бил. — А посмотреть на настоящий исторический момент с птичьего полета — в высшей степени интересно. — «Да, Горького не бьют — это другое дело. Меня же считают ренегатом. — Не хочется мне ехать».

За столом завязывается спор на вечную тему «мы и они»: Любовь Васильевна в одиночестве озвучивает прозападную позицию, остальные присутствующие остаются при традиционном славянофильстве:

М. А. Бонч-Бруевич²⁰ принес показать чудесные коробки из Палеха²¹ — у него их штук 10,12. Очаровательные. — Вот — в Вашей Европе — есть что-нибудь подобное?

— Конечно есть. — Нет, жаль, ничего нету, кроме гниения. Только у нас идейные устремления, только у нас (нрзб.) творчество. — Я: Простите, литература не выше европейской. — М.: Где их Флоберы, Бальзаки. — Я: А где наши Львы Толстые или Достоевские, все это впереди <...> (там же).

Наконец, в марте-апреле 1932 г. Толстой отправляется в Сорренто по приглашению Горького, который уже подготавливает возвращение, с 1927 г. регулярно подолгу навещая Россию. Маршрут Толстого лежал через Берлин, где он улаживал проблемы зарубежных гонимых, отсюда в Рим и Неаполь. В Сорренто Толстой позна-

¹⁸ Роман «Черное золото (Эмигранты)», изобразивший нравственный распад русской диаспоры, появился в журнале «Новый мир» в 1930 г. После этой вещи, означавшей полную невозможность возобновления отношений с эмиграцией, Толстому и разрешили выехать за границу.

¹⁹ Мария Вениаминовна Юдина (1899—1970), пианистка, религиозный мыслитель.

²⁰ Михаил Александрович Бонч-Бруевич (1888—1940) — радиотехник, основатель отечественной радиоламповой промышленности.

²¹ Любовь Васильевна много размышляла над потенциалом палехских изделий, использовала их стилистику для театра и даже подавала Луначарскому проект, в котором предлагала организовать их экспорт в Европу. Она также считала, что кукольный театр на темы русского эпоса может иметь успех на Западе: «8.VII.35 Русский эпос — товар экспортный. Эх, кабы поняли те, кому понять надлежит, что нам надо работать на экспорт». В Дневниках 1939 г. она описывает свои встречи с палехскими мастерами (цит. в *Intimacy and Terror*).

комился с Надеждой Алексеевной Пешковой, по прозвищу Тимоша, женою инфантильного Максима Пешкова. Именно она показывала ему Италию. С молодежью виллы Иль Сорито, где жил Горький, Толстой ездил по окрестностям Неаполя, посещал таверны, катался на лодках. На своих итальянских каникулах пятидесятилетний, обрюзгший, удрученный флюсом А. Н. влюбился в юную Тимошу. В следующем 1933 г. Горький с семьей вернулся в СССР. Это изменило всю жизнь Толстого. Отныне фокусом его интересов становится дом Горького в подмосковном поместье Горки. Его влечет молодой, бодрый, военизированный стиль дома Горького, вернее, чекистско-номенклатурного общества, собиравшегося в Горках. Наверно, Толстой чувствовал старомодность «царскосельского уединения» в «своих пенатах», «с друзьями» — Фединым, Шапориным и Шишковым. Талантливые и успешные, но сохраняющие гуманность и верность старым друзьям, они составили кружок, который в некоторых ракурсах мог показаться тихой оппозицией. А главное — по мере того как росла его страсть к Пешковой, он отчуждался от Крандиевской, и она, казалось, превратившаяся в его тень после двадцатилетнего брака, его больше не одобряла: «Духовное влияние, тирания моих вкусов и убеждений, все, к чему я привыкла за двадцать лет нашей общей жизни, теряло свою силу. Если я критиковала только что написанное им, он кричал в ответ, не слушая доводов: «Тебе не нравится? А в Москве нравится! А 60-ти миллионам читателей нравится!» <...>. Мне не нравилась дружба с Ягодой, мне все не нравилось в Горках. — Интеллигентщина! Непонимание новых людей! — кричал он в необъяснимом раздражении. — Крандиевщина! Чистоплюйство» (Толстая-Крандиевская 1992:45).

Толстой пытался сохранить цельность личности и предпочитал верить режиму, которому служил. Но с определенного момента режиму верить стало нельзя:

Вернувшись с похорон Кирова, Толстой был не в себе: Лицо его было бледно-серого цвета. Мы все кинулись к нему: «Ну как? Расскажи! Кто же убийца?» Помню, отец оглядел нас всех и около минуты простоял молча. Мы затаили дыхание. «Что вам сказать?.. Дураки вы все. Ничего не понимаете и никогда не поймете!» — резко, но не повышая голоса произнес он и поднялся к себе в кабинет». (Толстой Д. 1995: 84).

Сыновья вскоре догадались, что он имел в виду. Он понял, что на самом деле произошло — и очень испугался. Тем опаснее должен

был показаться ему аполитичный кружок, отгораживание от современности и помещичий стиль жизни в Детском.

Семейный раскол происходит на фоне страны, замордованной насильственной коллективизацией. Но благоденствующая элита ничего не знает и не хочет знать. В отличие от Толстых, Шапорина не закрывает глаза на происходящее и на страшный отрыв от действительности своих соседей:

5.Ш.1933. Россия сейчас похожа на муравейник, разрытый проходящим хулиганом, со смертельным ужасом на лицах — их вышвыривают, они бегут, куда глаза глядят, или бросаются под поезд, в прорубь, вешаются, отравляются. <...> А над всем этим — благополучная верхушка — подкуп писателей и всех, кто может делать рекламу. За Толстым ухаживают в Москве.

В конце концов Толстой осваивается в Москве, в кругу верхушки НКВДистов, вживается в позу официального писателя, усваивает язык официоза — настолько, что его начинают побаиваться прежние друзья: Шапорина удручена, настолько он изменился: «18.XI.1933. Прежде Ал. Ник. вносил с собой массу веселья; с тех пор же, как им овладевает правительственный восторг, его шум становится какой-то официальной демагогией. Шишков, например, боится оппонировать: „Когда Алеша говорит, я уже молчу, кто его знает (вписано: И, шутя,) А вдруг шепнет кому-нибудь. В Москве уже нам его называли осведомителем ГПУ“. (Последняя фраза зачеркнута, приписано: Это, конечно, шутка.)». Конечно, никаким осведомителем Толстой не был, но человек, который может в светской болтовне с «Генрихом Григорьевичем», то есть Ягодой, откровенно, «на равных», бросить, что он думает о том или ином знакомом, может порой оказаться страшнее жалкого профессионального стукача. К той же теме: Шапориной рассказали (запись от 16.V.1934), что Толстой рассказывает о своем визите в Москву: «К нам он с приезда из Москвы он глаз не кажет, почему-то в Москве жил у Ягоды, очаровательный человек, в имении под Москвой 35 000 кустов роз, обожает розы!» Зашел разговор о том, что за иностранками ухаживать опасно, на что Толстой сказал: «Ну, мне ничего не опасно, чуть сомнительный вопрос, я сейчас же еду на Литейную» <...> — Чудная картина. Совсем <как> у Честертон — Человек, который был четвергом²². Что бы на все это сказал Лев Николаевич Толстой?»

²² Гилберт Кит Честертон, 1874—1936, английский писатель, обильно переводимый и невероятно популярный в Советской России в 1920—1930-х гг. Его роман «Человек, который был четвергом» (1908) рассказывает о теневых властителях мира, играю-

Немудрено, что Толстой отдаляется от Шапориных. Теперь он настороженно реагирует на Любовь Васильевну с ее «негативизмом». Ее критическая позиция вызывает его на провокативно заостренные высказывания.

7.XII.1933 <...>когда он меня видит — сразу же начинает исторические разговоры, всегда великодержавные. Он весь теперь — правительственный пафос. Он взял глобус: — Вот это все хочет взять Япония — Манчжурия, Монголия, вся южная Сибирь — мы их выгоним даже из Маньчжурии.

...«В Германии фашисты скоро провалятся. Нам надо быть в дружбе с Германией? — Я не соглашаюсь — Германия нас колонизирует». А. Н.: Пустяки — а если к нам придет 20 миллионов немцев — пожалуйста, у нас земля пустует — они нам не «помешают».

И это наш лучший писатель?

Такое легковесие.

И никто-то не подумает, что над родиной, над матерью своей глумятся.

Конечно, здесь не только легкомыслие и не только великодержавный пафос самого Толстого. Его уверенность в грядущих успехах на Дальнем Востоке происходит оттого, что он что-то слышал на верхах и транслирует это близким. Тема дружбы с Германией, очевидно, тоже уже волнует верхи. Толстой в двадцатые и ранние тридцатые симпатизировал немцам, ожидая возрождения Германии, неважно, фашистского или коммунистического. Откровенный западник, он не боялся немецкой колонизации для России, представляя ее как политическую нормализацию, наведение чистоты и порядка и культурную прививку. Шапорина в своем священном ужасе оказалась проницательней.

Вскоре Шапорин начинает обвинять своего либреттиста Толстого в том, что опера оказалась затяжным, нескончаемым проектом. Из записей Шапориной видно, что Толстой и Шапорин сталкивались на каждом шагу, и по вопросам прежде всего концептуальным:

Сегодня пришел Толстой. Он бывает сейчас редко — сердится. Алексей Николаевич — новоиспеченный марксист. Он на днях сказал нам: «Вы думаете, что я не марксист, потому что у меня хорошая мебель красного дерева. Но я — марксист». Ему очень важно выявить свой марксизм. Он говорил сегодня: «Павел Елисеевич [Щеголев — Е. Т.] был дурак и ровно ничего

щих в обществе две противоположные роли сразу.

не понимал. Он почему-то ненавидел царей и только в низвержении их видел революцию. И Декабристов он не понимал. Вы (обращаясь ко мне) хотите с Юрием протащить старое мировоззрение. Но это вам не удастся. Романтизм Декабристов — ерунда. Им был невыгоден тот строй, экономически невыгоден, поэтому они и решили сделать переворот.

Надо изобразить Якубовича — разоряющегося помещика, бретера, Ноздрёва...

У Юрия вид при этом, как будто его поливали помоями. Он борется за романтизм и Декабристов.

Толстой меняется, это связано с недавней политической бурей: изгнанием Троцкого; в его «Восемнадцатом годе» Троцкий фигурирует, хоть и неназванный, но узнаваемый. Продолжать работу над третьим томом «Хождения по мукам» в ситуации неуверенности он боится и обращается за советом к Горькому, который сводит его с Ворошиловым. Тот подсказывает ему выход — показать роль Сталина в Гражданской войне, и Толстой пишет «Хлеб» («Оборону Царицына»). Шапорина в это время все строже судит Толстого, к которому еще недавно, в конце 1920-х, она относилась с восхищением. Переоценка налицо: в дневниковой записи фразу «Все-таки умный человек» она меняет на противоположную по смыслу:

19. XI.34. Все-таки <вписано: хоть и> умный человек <вписано: Но у него нет широкого кругозора>. Он был третьего дня.<...> Он говорит теперь *du haut de sa grandeur*²³, и вещает истины: Довольно барабанного боя, декабристы должны ходить по земле, современная опера должна быть реалистической. Вот, смотрите: в Леди Макбет²⁴, говорят о грибках <вписано: о шерстяных чулках>, вот как нужно писать теперь оперу.

Я: да, но декабристы и не ходили по земле, возьмите дневник Кюхельбекера. Музыка по своему существу абстрактна и опера всегда условна.

Т<олстой>: Это один Кюхельбекер. Всякое время диктует свои законы — сейчас должен быть реализм.<...>. Юрий молчал или оппонировал очень скромно, вид имел запуганный. Нельзя было ставить себя в такое глупое и унижительное положение.

²³ С высоты своего величия (*фр.*)

²⁴ В опере Шостаковича «Катерина Измайлова» (1934) на сюжет лесковской «Леди Макбет Мценского уезда» в арии Зиновия Борисыча обсуждаются грибки, а в заключительной сцене («на этапе») убийство происходит из-за пары вязаных носков. До разгрома этой оперы — редакционной статьи «Правды» «Сумбур вместо музыки» (28 января 1936 г.) оставалось два года.

Толстой и Шапорин вероятно никогда не смогут договориться. Т. — это быт, реализм, анекдот — а опера всегда романтична. <...>

В конце 1934 г. у Шапорина с Толстым назревает разрыв отношений. Он винит Толстого во всех своих бедах, меняет либреттиста и устраняет из оперы почти все следы сюжета и героев «Полины Гебль», так что и участие Толстого сведено почти к нулю: теперь это называлось «либретто Вс. Ал. Рождественского по мотивам А. Н. Толстого»²⁵. Одновременно разваливается дом Шапориных. Финал наступает в декабре 1934 г. и совпадает с убийством Кирова. Шапорин, наконец, покидает и жену, и из опальной Ленинград. Но писание злосчастной оперы продолжается еще двадцать лет. Условия и требования начальства постоянно меняются, идеологический климат крепчает. Французские сцены выкидываются. Вместо свободолюбивой француженки и Анненкова героями оказываются отечественная небогатая Елена и какой-то Щепин. Пройдя все унижения и пожертвовав всем, чем можно и нельзя, Шапорин закончил своих «Декабристов» в 1953 г.: вскоре оказалась никому не нужна.

Двойной инфаркт, «Пиноккио», кукольный театр Шапориной.

Разлад, происходящий под сурдинку у Толстых, переходит в новую стадию. В мае 1934 г. от воспаления легких, полученного при весьма подозрительных обстоятельствах, умирает молодой Максим Пешков. Толстой с удвоенной энергией возобновляет ухаживание за овдовевшей Тимошей. 17 августа на Первом съезде советских писателей Толстой делает доклад «О драматургии». В Москве Толстой пытается завоевать прекрасную вдову. Он просит о командировке в Италию для работы над историческим романом о падении Рима, а ей предлагает стать его секретарем. План не утверждают. К счастью для себя, Толстой не имел успеха и у самой Тимоши.

С женой у Толстого все более напряженные отношения. Атмосфера дома накаляется, и 27 и 29 декабря 1934 г. Толстой переносит двойной инфаркт. Во встревоженном письме больному Горький мягко остерегает его против «каторжной работы», «винопития» и «духовного общения с чужеродными женщинами», рекомендуя ограничиться «общением с единой и собственной своей женой, — общением, кое установлено и освящено канонами православной католической церкви» (Переписка-2:192). Он не мог не быть в курсе толстовских надежд.

²⁵ «Рождественский Вс. Ал. «Декабристы» Ю. Шапорина. Либретто Вс. Ал. Рождественского по мотивам А. Н. Толстого. Москва, Музгиз, 1956.

Выздоровливая, Толстой, которому запретили работать, играючи начинает давно заказанную ему обработку «Пиноккио». Он решил вернуться к этой вещи, видимо, сразу после прекращения в 1933 г. гонений на сказку и в октябре 1933 года заключил с Детгизом на нее договор. Вначале Толстой хотел просто «русским языком написать содержание Коллоди». Надо так понимать, что он просто вернулся к переводу «Пиноккио» Коллоди, который сделала Нина Петровская в 1923 г. Толстой тогда, подсократил и изрядно оживил его, и в 1924 г. книга вышла в Берлине: на обложке стояло: «К. Коллоди. «Приключения Пиноккио». Переделал и обработал А. Толстой. Издательство „Накануне“». Лишь на титуле было указано также: «Перевод с итальянского Нины Петровской». Видимо, Толстого хотел еще раз пройти по тексту и сдать книгу как свою. Петровская умерла еще в 1928 г., имя Толстого с самого начала фигурировало в этом издании на правах чуть ли не соавтора Коллоди, так что криминала как бы не было. (Выдавать уже вышедшие в эмиграции свои книги за новые он умел: «Похождения Невзорова, или Ибикус» он напечатал в 1923 г. в Берлине, в журнале А. Дроздова «Сподохи», а, вернувшись в Россию, издал как новую). Но скоро стало ясно, что этот план не годится. Маршаку он написал: «выходит скучновато и пресновато», и тот решил, что Толстой «мог бы проявить себя гораздо ярче и полнее в свободном пересказе повести, чем в переводе...» (Маршак 1971:569).²⁶ Директору Детгиза Толстой предложил делать «Пиноккио» для ленинградского отделения, то есть для Маршака (Петровский 1986 *passim*). Горькому он сообщал: «пишу на ту же тему по-своему» (Переписка-2:202).

Новая книга с самого начала имела тайный адрес: в том же февральском письме Толстой пишет Горькому: «Мне очень хочется почитать эту книжку в Горках: — посадить Марфу, Дарью, и еще кого-нибудь, скажем, Тимошу, и прочесть детям» (там же). Тимоша упоминается как бы невзначай. Мой покойный отец Д. А. Толстой считал, что оживление интереса к «Пиноккио» совпало с поездкой в Сорренто: писание возвращало его в атмосферу нескончаемого праздника, освещенного присутствием Тимоши. Но это был лишь один из множества наложившихся друг на друга стимулов к созданию сказки о куклах.

²⁶ Интересно, знал ли тогда Маршак о берлинском «Пиноккио»? Известно, что он тщательно сравнил берлинского «Пиноккио» в обработке Толстого с итальянским оригиналом, подробно откомментировал те места, где Толстой отошел от подлинника, в своих карандашных заметках, сделанных прямо в тексте фотостата «Пиноккио» с шифром Ленинской библиотеки. Эта, увы, недатированная фотокопия с пометками Маршака была в 70-х гг. прислана его родными Миرونу Петровскому.

По моему предположению, другим таким стимулом к написанию «Золотого ключика» послужил «социальный заказ Шапориной». Любовь Васильевна знала, что с отъездом мужа, который раньше или позже произойдет, она останется без средств. Пенсия ей еще не полагалась, да она ее и не выработала. Единственной надеждой на материальную независимость был замышляемый ею новый кукольный театр, третий по счету в ее биографии: «30. XI. 1933. В 18 году я организовала Кукольный Театр. Тогда было время свободное. Театры играли что хотели, не связанные партийным ханжеством — как теперь. <...> 5.VII.1934. Все мои упования на устройство Кукольного театра. Толстой с апреля меня водит за нос, обещая протекцию <...> — теперь я сижу у моря и жду погоды, т. е. его возвращения из Москвы. Исторический Кукольный театр, былины, сказки — это может выйти очень интересное дело, если дадут возможность широко его поставить <...> я хочу встать опять на ноги, на свои собственные — и тогда мы с Васей уедем (Зачеркнуто: от Юрия). <...> 23.X.1934. Надо во что бы то ни стало организовать Кукольный театр. — Готова хоть к Горькому на поклон ехать, лишь бы удалось сделать театр так, как я этого хочу. Вчера, дожидаясь под дождем автобуса, — подслушала в очереди такой анекдот, верней новую пословицу «Не имей два брата (!?) имей два блата». Хорошенький русский язык! — но смысл мудрый. Сейчас надо иметь блат».

Блат, действительно, у Шапориной был двойной. С конца 1920-х кукольные представления писал драматург Евгений Шварц для Государственного театра детской книги им. Халатова в Ленинграде. Он также пытался вместе с Маршаком организовать свой собственный кукольный театр, в 1933 г. такой маленький театр играл для внушек Горького в Горках. Идея кукольного театра была подана Горькому именно Маршаком и Шварцем. С другой стороны, Горького о кукольном театре для Шапориной просила не она сама, а Толстой, увлекшийся в 1934 г. идеей Клуба писателей²⁷ (или, иначе, Клуба мастеров) в Ленинграде, при котором планировался и кукольный театр. Такой двойной напор только помогал делу: Горький затею подержал:

²⁷ Это был один из многих организационных проектов писательских объединений, в которых был активен Толстой: Первый Клуб писателей был основан в 1917 г. сразу после Мартовской революции, в Москве; в первую революционную зиму 1917—1918 г. Толстой организовал деморализованных литераторов вторично. Затем, в конце 1921 г., был создан Клуб писателей в Берлине. Во второй половине тридцатых Толстой энергично возьмется за организацию московского Клуба писателей.

5.X.1934. С приездом Толстого мое дело двинулось. Но оказалось, что еще до того, как он предложил Горькому организовать кукольный театр при клубе писателей, это же предложение сделали Маршак и Е. Шварц. Я очень этому рада: Составляю сметы.

Видимо, именно в этот момент Толстой обещает написать для нее пьесу — речь идет несомненно о «Пиноккио». Но пока пьесы нет, он поддерживает начинание Шапориной и устраивает представление ее кукольного театра на новогоднем вечере 31 декабря 1934 года в «Доме писателей» в Ленинграде, где куклы советских писателей разыгрывают капустник Евгения Шварца «Торжественное заседание (Шуточная пьеса)» Ср.: «Словно ответом на горьковское предложение явилась марионеточная постановка в 1935 г. в Ленинградском Доме писателя имени Маяковского литературных обзоров Е. Шварца, имевших большой успех» (Дрейден: 267).

Невзирая на только что перенесенный приступ, Толстой посетил новогоднее представление в Доме литераторов. Он сидел в зале и смотрел, как на сцене кукольный Алексей Толстой и другие литераторы вели уморительный диалог со своими живыми двойниками. Текст Е. Шварца был в меру забавным, в меру критичным, в меру почтительным. Роли А. Толстого, С. Маршака и К. Чуковского читал И. Андроников. Делались легкие сатирические попользования и мягкие политические намеки:

Ч о р т . Алексей Николаевич, который в публике, встаньте, пожалуйста. Вот вас два. Одинаковы: который в публике, более емкий, чтобы в нем могли уместиться еда и питье. Вам же легче, чтобы вести собрание, во все вникать и тому подобное.

Т о л с т о й . Это совершенно безумное удобство. Слушай, Толстой. Ты домой поезжай на форде, а я поеду на бьюике. Это совершенно замечательная машина цвета бычьей кожи²⁸.

Ч о р т . Это еще не все. Вам не хотелось, чтобы присутствующие тут писатели говорили речи? Вызовите любого из них на эстраду и дайте ему слово.

Т о л с т о й . Что из этого будет?

²⁸ После I съезда советских писателей Молотов предложил Толстому подать заявление об импортной машине (Греков: 326). Тем временем для него уже строился автомобиль отечественного производства: в переписке 1934 г. фигурирует тема отечественной стали, которая не годилась для штамповки, так что сталь для машины Толстого пришлось выписать из-за границы (там же *passim*).

Ч о р т . Увидите.

Т о л с т о й . А вдруг заговорит.

Ч о р т . У меня ни один не заговорит.

Т о л с т о й . Чтобы ни один зря не брехал <...>

(Шварц 1991: 296—302).

После новогодней премьеры, 15 января 1935 года Толстой писал Горькому: «...Один из главных козырей [клуба] — это театр марионеток Шапориной (первое ее выступление под Новый год с шаржами на писателей и критиков было изумительно (Переписка-2: 196). Кукольный театр продолжал играть при Доме Писателей (в бывшем Шереметьевском особняке) в течение 1935 года. Один из вечеров он посвятил памяти умершего в этом году исторического романиста Чапыгина, дружившего с Толстым. Летом 1935 от капустников театр перешел к полноценным спектаклям: 23 июня была его премьера постановки комедии В. Эрлиха «Золоченые лбы». Просуществовал он недолго, чуть больше года. Одним из авторов, писавших для Шапориной, был Хармс, с которым она была знакома по Детскому Селу, написавший для нее пьесу «Цирк Шардам» (представление в 2-х действиях). Премьера его состоялась в октябре 1935 года. Тем же летом, пока дописывался прозаический вариант, газеты объявляли о предстоящей постановке «Пиноккио» — «итальянской сказки в переработке А. Н. Толстого» (Александров 1992: 223—226).

Выздоровливал Толстой быстро, в феврале 1935 он уже «мечтает о Тессели²⁹ как о счастье» и покупает «по приказу Тимоши» для Горького китайскую мебель 18 века (на что Горький отвечает: «На кой чорт нужна мне китайская мебель?») (Переписка-2: 202—204). В марте он наконец выезжает, но застревает по пути в Москве, чтобы видиться с Тимошей, а Крандиевской пишет нежнейшие письма. Ее письма полны любви: она жаждет заглазить неупоминаемую, но, вероятно, имевшую место роковую ссору, доведшую его до инфаркта. В этот момент в их переписку врывается история.

Высылка дворян. Весною 1935 г. в Ленинграде становится жить страшно. Вслед за убийством Кирова и за партийной чисткой начинается высылка из Ленинграда бывших дворян — нынешней интеллигенции. Затронуты художественные и театральные круги, среди высылаемых — много знакомых. «Дворянские „Стрелы“ уходили на

²⁹ Крымская дача Горького.

Северный Урал каждую ночь. Это был „кировский поток“». ³⁰ О масштабах происходящего наглядно повествуют дневники Шапориной:

26.II.1935. В несчастном Ленинграде стон стоит, и были бы еще целы колокола, слышен был бы похоронный звон. Эти высылки — для большинства — смерть. Дима Уваров, юноша, больной туберкулезом и гемофилией, — что он будет делать в Тургае с тремя старухами? Чем зарабатывать хлеб? Творится что-то чудовищное и неопишное. Высылаются дети, 75-летние старухи. Пинегин ³¹, — у него висел портрет Седова ³², — при обыске ему было сказано: знаем мы вас, портреты царских офицеров на стенку вешаете.

Удары ложатся все ближе, и Шапорина понимает, что сама находится в угрожаемой ситуации: 1935—1937, б. д. «Не являйся я в данный момент женой Шапорина, — меня, конечно бы, выслали в какой-нибудь Тургай; „по Вас верблюды плачут“ сострила Наталья Васильевна. Братья-эмигранты, дворянка, жила за границей — все это смертные грехи (Шапорина рук 5: 1—3); У меня масса причин к высылке. Дворянка — раз, дочь помещицы — два, (вписано) братья офицеры — три, эмигрантка — четыре! — Толстой, Федин — да у всех покопаться, найдется повод для высылки. Ужас висит над городом» (Шапорина рук 4: 108). И вот уже вызывают в ГПУ ее мужа Юрия Шапорина и спрашивают о Париже. Он сообщил, что был там всего три недели, Любовь же Васильевна прожила целых четыре года: она в ужасе от того, насколько он оказался готов ее «сдать»: «Совершенно ясно, что хотели пощупать почву — как отнесется Шапорин к вызову в ГПУ жены. Возмутится он, не запротестует ли — а он своими руками выдал. Но когда я пошла на Гороховую, он меня в сквере не ждал» (там же). К счастью, от Л. В. все-таки отстали. Таким жутким контрапунктом отзывается жизнь Шапориных на сюжет о жене-француженке, последовавшей за высланным мужем в Сибирь. Автор оперы вынужден свидетельствовать против подозреваемой жены, которую, в числе прочего и за долгое пребывание в Париже, могут выслать в места похуже Сибири.

Семейные судьбы Шапориных и Толстых в это время складываются сходно в том, что касается младшего поколения: вскоре в сферу

³⁰ Я цитирую рассказ покойной Наталии Никитичны Толстой, которая слышала его от Наталии Георгиевны Блок (Магеровской).

³¹ Пинегин Н. В. (1883—1940) — русский географ, путешественник, участник экспедиции Г. Я. Седова; художник и писатель, автор «Записок полярника»..

³² Седов Георгий Яковлевич (1877—1914) — знаменитый исследователь Арктики. Достиг Северного полюса на собаках, умер на обратном пути.

внимания ГПУ попадает сын Шапориных Василий, подругу которого высылают: «Вася просил отца телеграфировать, чтоб не высылали дочь Владимировых³³ — якобы его (незарег<истрированную>) жену³⁴. — «Как вам не стыдно, Вас<илий> Юр<ьевич>, Вы хотите пойти по стопам Никиты Толстого, Вы компрометируете отцов, брак этот фиктивный». — Вася согласился!» (там же). Сотрудники органов ссылаются в этом разговоре на прецедент Никиты Толстого. Никита, семнадцатилетний старший сын Алексея Толстого, узнав о том, что отцу его невесты известному поэту и переводчику Михаилу Леонидовичу Лозинскому угрожает высылка, немедленно подал с ней заявление в ЗАГС: существует запись устного рассказа об этом покойной Наталии Никитичны Толстой:

Когда убили Кирова, Михаила Леонидовича Лозинского арестовали, так как он был из дворянского рода. А по одной из версий, Кирова убили дворяне. Потому дедушке грозила ссылка в Сибирь. Мама сказала отцу, что они вынуждены расстаться, так как их семья отправляется в ссылку. Отец обратился к Алексею Толстому с просьбой спасти Лозинских. Тот попросил об этом Горького, который был официальным писателем № 1. Алексей Максимович спрашивает: а кто такие Лозинские? Кто они вам? Мол, как объяснить наверху? И тогда мой 17-летний отец и 18-летняя мать зарегистрировали брак. Лозинского отпустили. Поначалу брак был фиктивным. Каждый еще несколько лет жил в своей семье, поскольку оба были слишком юные. А затем в этом счастливом браке было семеро детей.³⁵

Шапориная восхитилась поступком Никиты: «Б. д. (следующая запись 26.П.1935). Лозинский с семьей, — за него очень хлопотали здесь (вписано: и Толстые в Москве)... поехал в Москву Никита Толстой, был у Горького, — привез хорошие вести, но на всякий случай пошел с Наташей в Загс. — Если выплюют самого, девочка сможет остаться здесь. Это страшно трогательно. Нат. Вас. вчера мне звонила и рассказала про это. Я просила ее поцеловать Никиту в обе щеки.

³³ Шапориным не удалось спасти Наталию Владимирову от высылки (правда, в ее случае она оказалась недолгой). В следующем году В. Ю. Шапорин женился на художнице Наталии Князевой.

³⁴ Наталия Шапориная, 1915—2003, известный художник по костюмам, работала в кино, последние десятилетия жила в Риге, где до сих пор живет внук Шапориной Петр Васильевич.

³⁵ Нина Лукьянова. Из первых уст. Выступление Наталии Толстой в Витебске: <http://www.chagal-vitebsk.com/node/119>

Недаром же я так люблю обоих мальчиков». (Шапорина рук 4: 106). Тем временем и деморализованный Василий все же пришел в себя: он все-таки сделал предложение Наташе. В НКВД ответили, что нужно подтверждение отца, и отец тянул неделю, Вася ходил по улицам и плакал³⁶ (там же).

Особенно тяжкий жребий ожидал семью писателя-юмориста Жирковича, одну из высылаемых близких ей семей, где было трое маленьких детей, — детей в ссылке ждала неминуемая гибель, и Любовь Васильевна, после отъезда мужа и женитьбы сына оказавшаяся впервые в одиночестве, попыталась взять всех троих к себе. Собственной жизнью она попыталась утвердить ту «устарелую» мораль, которую «протаскивала» в оперу. Шапорина и Крандиевская, находящиеся в Детском, пытались действовать через Толстого. Крандиевская засыпала Толстого письмами, умоляя помочь очередным невинно преследуемым знакомым. Он отвечал: «Тусинька, милая, о детях Жирковичей я уже говорил с Г. Г. Думаю, что это дело можно будет устроить. Сегодня буду говорить еще раз. Я в колебании — возвращаться ли домой или переждать еще немного» (Греков 1991:305). Однако в конце концов это не получилось. Толстой не мог помочь всем высылаемым, но он брался помочь там, где была ясная личная мотивировка. Он помог Алеше Волькенштейну — родственнику бывшего мужа Наталии Васильевны, помог сотруднику библиотеки Котлярову, много лет помогал младшему «сменовеховцу» Георгию Венусу, правда, спасти его так и не смог (Перхин 2000: 179). Но видно, что он еще и использовал ситуацию против жены — как предлог не возвращаться домой: «Тусинька, милая, в связи с тем, что из Ленинграда столько теперь высылают, думаю, что мне благоразумнее подождать числа до 20—25 здесь. Меня же замучат звонками и просьбами. Лучше такое острое время просидеть здесь, в Горках. Правда?» (там же). Вскоре Толстой почувствовал, что его роль заступника начинает раздражать начальство: «Тусинька, больше писем таких мне не пиши. Пока нужно передохнуть и дать возможность другим передохнуть от меня» (там же).

Семейный курор. В том же 1935 г. дом Толстых рухнул. Шапорина записывает эти новости задним числом, в июле, суммируя произошедшее за последние месяцы:

³⁶ О том, как высылали Брюлловых-Владимировых и как Василий Шапорин решил жениться на Наташе Владимировой см. Шапорина 1997:334—337 (1 тетрадь, март 1935).

8.VII.1935. У Толстых произошла трагедия в семейной области — и вряд ли кому-нибудь из них приходит в голову — до какой степени это мне неприятно, обидно (вписано: тяжело). Я так привыкла смотреть на их семью как на оазис среди общей печали, что эта трещина меня очень огорчила. Произошло это так: перед Пасхой за несколько дней Нат. Вас. уехала в Москву к сестре. Мне это показалось очень странным и я передала свои впечатления Старчаковым. Мне он ничего не сказал, а жене потом признался — что Н. В. нашла какие-то любовные письма и произошел «семейный купорос». <...> Нат. Вас. пережила это очень тяжело. Вернулась она из Москвы через месяц, похудев невероятно — слез верно пролито было не мало. Внешне она была очень бодра — в Ленинграде заводят квартиру для удобства детей, — она поступает в Вуз — и будет служить.³⁷ Тяжело даются эти передрыги. Вряд ли Н. В. догадывается о том, как я ей сочувствую.

Следующую запись на ту же тему отделяют от этой четыре месяца. Очевидно, спонтанные заметки о текущих новостях были уничтожены и заменены ретроспективной:

8.XI.1935. Толстовский дом рухнул как карточный домик. Боже мой, как легко люди разбивают все самое дорогое в жизни из-за голой физиологии. 20 лет жизни душа в душу с Нат. Вас., талантливые дети — дом, форма жизни — все насмарку, к черту — из-за чего? Что это, любовь, страсть — ничего похожего. Разве это чувство? В 53 года старик распалился. Он говорил Старчакову: Я хочу любить, любить кого бы то ни было. Был увлечен Тимошей, вдовой Макса Пешкова.

Она не сдавалась. Нат. Вас. нашла стихи А. Н. к Т. и с этого начался разрыв. Тогда-то она уехала в Москву, была у Тимоши, предлагала ей А. Н., говоря, что ее заботит только его счастье, Тимоша отказалась.

Дневник Шапориной — единственный источник этой версии о московских приключениях Наталии Васильевны в духе Достоевского. После майской ее поездки в Москву последовало путешествие Толстого в Париж на Международный Конгресс писателей в защиту культуры (21—24 июня 1935 г.). Толстой встретился с Тимошей в Лондоне, куда она поехала, примкнув к группе художников. Тимоша в очередной раз решительно отвергла его любовь. Он вернулся в Детское Село раздраженный: «Отвергнутое чувство заставило его,

³⁷ Наталия Васильевна в 1935 г. начала работать завлитом Ленинградского театра эстрады.

сжав зубы, сесть за работу в Детском. Он был мрачен. Казалось, он мстил мне за свой крах. С откровенной жестокостью он говорил: — У меня осталась одна работа. У меня нет личной жизни». (Крандиевская 1992: 79).

«Под зябь». Крандиевская, не привыкшая к роли униженной и оскорбленной, обращения Толстого не выдержала и уехала, оставив мужа в пустом доме в Детском. Впрочем, не совсем пустом: очевидно, предполагая, что семью спасет паллиатив, она сама незадолго до этого наняла ему хорошенькую молодую секретаршу, из дворянской крымской семьи, Людмилу Крестинскую, которая незадолго до того разошлась с мужем, писателем Баршевым.³⁸ Сама же Наталия Васильевна переехала с детьми в квартиру на Кронверкской. Шапорина пишет:

8.XI.1935. Нат. Вас. решила уехать из Детского — и сделала ошибку. Она мне говорила: у нас будет чудная квартира³⁹. Я буду учиться, потом буду работать в Воксе или в НКВД⁴⁰, — я буду думать только о себе. Все заботы о других — это псу под хвост. Надо быть эгоисткой. Я заведу себе белье как у куртизанки — хочу быть очень нарядной, — хочу жить только для себя».

Это была бравада — и вместе с тем в ней была надежда, что А. Н. без нее не проживет (там же).

Эта идея, что Крандиевская сделала неверный шаг, продолжала преследовать долгие годы ее самое и укоренилась в семье. Толстой признался дочери Марьяне за день до смерти, что сам бы ни за что не разрушил семью (Толстая М. 1987 — 8: 201). Как видно, он хотел для себя свободы и неподконтрольности в личных делах, но вместе с этим понимания и любви в своем собственном доме. Это было невозможно, и он создал атмосферу ненависти, невыносимую для жены. Толстой вначале не принял всерьез отъезда Наталии Васильевны из Детского. Он ничего подобного от жены не ожидал: ведь

³⁸ Николай Валерьянович Баршев (1888—1938) прозаик, драматург. Дворянин, сын полковника царской армии. По образованию инженер, работал в Министерстве путей сообщения и на железной дороге. Входил в группу «Содружество» с Б. Лавреневым, Вс. Рождественским, М. Козаковым, А. Чапыгиным и др. Автор нескольких пьес и двух книг рассказов. Писал также об истории техники. Репрессирован в 1937. Сослан на Колыму. Умер в Хабаровске.

³⁹ Кронверкская улица, дом 23/59. Вначале квартира Крандиевской была в парадном подъезде с Кронверкской улицы, после войны ей дали другую в том же доме — со двора, с черного хода и без лифта, № 104а.

⁴⁰ Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, Народный комиссариат иностранных дел.

Крандиевская с самого их возвращения из эмиграции полностью подчинила себя семейным интересам, всегда была при нем — но когда понял, что ее решение серьезно, то бешено на негоотреагировал. Похоже, что теперь его устроило бы любое решение, только не возврат к жестоко обидевшей его семье. Шапорина излагает продолжение истории следующим образом:

8.XI.1935. Дальнейшие события развернулись с головокружительной быстротой — Людмила заменила сразу Нат. Вас. во всех смыслах. Наверху, в комнате Нат. Вас. началось (вст.: по ночам) безумное веселье, куда приглашалась и Гаяна (вст.: дочь Елиз. Кузьминой-Караваевой-Пиленко)⁴¹. Юлия Ивановна⁴² звывла — и донесла Нат. Вас. Фефа⁴³ оскорбился (вст.: за мать), приехал в Детское и сделал Ал. Ник. выговор за легкомысленное поведение.

Ал. Н. по-видимому свету не взвидел — послал Фефу к черту, добавив — «чтобы твоей жидовской морды я никогда больше не видел».

Людмила уехала из Детского и «скрылась за дымовой завесой». Толстой приехал в Ленинград и при Никите устроил дикую сцену жене. После этого он уехал с Фадеевым в Чехословакию, а вернувшись в Москву, за глаза развелся с Крандиевской и женился на Людмиле. Наталию Васильевну он уведомил об этом письмом. Наталия Васильевна погрузилась в тяжелую депрессию и выбралась из нее далеко не сразу. Замуж она больше не выходила: двое старших сыновей в это время обзаводились семьями: все ее заботы теперь были о них. Сама Наталия Васильевна устроилась на работу заведующей литературной частью Ленинградского Театра эстрады. Катастрофа вернула ее, давно забросившую стихи, к поэзии.

⁴¹ Гаяна была вывезена Толстым из Парижа в 1935 г. с согласия матери, тогда уже монахини. Как многие дети эмигрантов, она питала коммунистические иллюзии. Толстые поселили ее у себя, она поступила на работу на Путиловский завод, затем перешла на макаронную фабрику, и готовилась в вуз. Из-за семейного кризиса Гаяне уделяли мало внимания, Видимо, в этот момент отчаяния, сумасшедшего веселья и неизвестности Толстой проецировал свои чувства на Гаяну, надавал ей обещаний, и она временно отошла от своего жениха, который ее ревновал. Но вскоре выяснилось, что Толстой женится на Людмиле, Гаяна вышла замуж и переехала в Москву. В 1936 г. она умерла, вероятно, от подпольного неудачного аборта (в 1936 г. аборты были запрещены. <http://www.mere-marie.com/110.htm>)

⁴² Ю. И. Уйбо, бонна, которая жила в семье Толстых с 1917 г., была с ними в эмиграции и фактически превратилась в члена семьи.

⁴³ Федор Федорович Волькенштейн (1908—1985) — сын Н. В. от первого брака, физикохимик, мемуарист (под псевдонимом Ф. Ф. Крандиевский).

Шапорина иронизировала: «Новый 53-х летний Руслан нашел свою Людмилу. Я как-то возвращаюсь из города, мне звонит Старчаков: хотите знать последнюю новость, А. Н. женился, угадайте на ком? — на Тимоше? — хуже — на Людмиле! Да заходите, все расскажу. Его вызвала Н. В. — и показала письмо. А еще до письма А. Н. виделся с Ник. Радловым⁴⁴ и просил передать Тусе, что он женился и разводную скоро пришлет!» Любовь Васильевна не одобряла прежде всего стилистическую составляющую поведения Толстого, которое казалась ей оскорблением всей его предыдущей жизни:

Очень важна форма жизни. Тут была форма — был загородный открытый дом — полная чаша, прекрасная хозяйка — дом, где можно было принять Уэлса⁴⁵ — или Бернарда Шоу⁴⁶. — Эти формы нельзя разбивать. Лев Ник. бежал из Ясной Поляны в поисках истины. Ал. Н. подцепил молоденькую фифишку и едет в Кисловодск, совсем как герой Лейкина. Ну, увлекись Улановой — и уезжай в Ниццу. — Жест! А то Людмилу, спавшую с Никитой и многими другими — везут в Кисловодск (там же).

Шапорина полагала, что подобного рода поведение политически неправильно и власти на это плохо посмотрят: «Горький не станет его принимать с Людмилой» — писала Шапорина. Однако, скоро до Ленинграда дошли слухи, что Горький дал обед в честь «молодоженов» (там же). Такое ощущение, что власти только этого от него и ждали. Людмила оказалась вполне своей в Горках — может быть, даже больше, чем Толстой или сам Горький, который на этом пиру жизни оказался лишним. Толстой занял освободившееся место писателя № 1, поселившись во флигеле во дворе горьковского особняка, и поняв, что нужно, чтобы выжить, вставил в трилогию роман «Хлеб», фальсифицирующий роль Сталина в Гражданской войне.

После описанных событий Любовь Васильевна утратила уважение к Толстому. Она цитирует Александра Старчакова, который с иронией и презрением следил за толстовским приспособленчеством середины тридцатых:

⁴⁴ Николай Эрнестович Радлов (1889—1942), знаменитый карикатурист. Профессор искусствознания, преподавал в Академии Художеств. Пасынок Толстого Федор (Фефа) был женат на дочери Радлова Лидии.

⁴⁵ Уэллс приезжал в Ленинград и посетил дом Толстого летом 1933 г., для него в Детском устроили званый обед (Толстой Д.1995:28—29).

⁴⁶ Бернард Шоу, симпатизировавший большевизму, посетил СССР в 1931 г.

(Б. д.). Советскую литературу надо оставить под зябь и писателей уничтожить, как сапных лошадей. Через 10 лет не раньше разрешить писать. Литература у нас заросла бурьяном: здесь пасса Лавренев, Федин, другие; чертополох выше человеческого роста. Под зябь. (Шапорина рук 5: 60).

В том же году, услышав, что Толстой взял заказ на переработку «Петра I» для детей, Старчаков жестоко сострил на его счет. В следующем, 1936 г. году Старчакова арестовали. Шапорина считала, что Толстой, возможно, был причастен к этому аресту.

26.П. <1935>. Старчаков: Ал. Ник. говорил ему, что переделал Петра для детей, Детгиз (Семашко). Много ему должен. Для кого Вы еще теперь писать будете, А. Н.? — спросил его Ст<арчаков>, для жесткокрылых или для ластоногих?

Услышав эту фразу от меня в 1996 г., мой отец Д. А. Толстой заметил: «Вот этого ему и не простил А. Н. Эту фразу на следующий день все повторяли. Он и запомнил». По всей вероятности, и Шапорина, и он ошибались. Связь Старчакова, главы ленинградского отделения «Известий», с разгромленным партийным руководством кировского Ленинграда была более основательной причиной его трагического конца, чем недовольство им Толстого. После ареста Старчакова и высылки его жены Шапорина взяла к себе их двух дочерей, Мару и Галю, и они более десяти лет воспитывались у нее.

Шапорина сохранила в памяти образ толстовского морального надира — первой половины 1930-х гг. Вскоре после его смерти Толстого, 11 марта 1945 она записала слова Фебина о Шишкове: «„Поистине он дал нам много счастья. Это был Человек“. О Толстом этого не скажешь. Это был не крупный человек и друзей не оставил. Он людей не ценил, не любил, они были ему не нужны. От скольких людей-друзей он отрекся на моих глазах — Замятин, Старчаков...». После этого она потеряла его из виду и не знала, что еще до конца тридцатых ему предстояла новая метаморфоза и новая, более достойная общественная роль (Перхин 2000; Окланский 2009; Толстая 2010).

В 1935 г. Шапорина исполнила свой замысел. Театр ее осуществился: в марте 1936 г. она начала работать над пьесой «Золотой ключик» которую Толстой стремительно переделал из романа и отдал ей — параллельно с Детским театром в Москве.

В 1937 г. Любовь Васильевна, жившая на улице Петра Лаврова, бывшей Фурштатской, в двух шагах от Большого дома на Литейном,

слышит по ночам выстрелы. Она не может спать по ночам. В одну такую ночь, она «в три часа» ночи слышала выстрелы пачками» и поняла, что в этот час это могут быть только расстрелы. 10.X.37 она записала: «Куклы — убежище. Сказка. Живая сказка». Куклы спасали ее от ужасов действительности. Этот третий ее театр просуществовал некоторое время, пока все же не слился с тем же театром марионеток Евгения Деммени. После войны, возродить его ей уже не удалось.

Любовь Васильевна переводила Стендаля для Собрания сочинений, пьесы Пиранделло, «Книгу моей жизни» Стравинского и многое другое, а главное — шила своих потрясающих кукол. Это были странные куклы, не «хорошенькие», а ироничные или зловеще-выразительные, совсем непохожие ни на что из того, что мне, маленькой, до того приходилось видеть: она дарила их бабушке Наталье Васильевне и всему семейству.

Литература

Александров 1992: Александров А. Первое отделение на земле, второе под водой. // Современная драматургия 1, 1992.

Андроникашвили-Пильняк 1994: Андроникашвили-Пильняк Б. Б. Два изгоя, два мученика: Борис Пильняк и Евгений Замятин // Знамя 1994. № 9.

Греков 1991: Греков В. (И. Н. Толстой). Письма А. Н. Толстого к Н. В. Крандиевской. Публикация. // Минувшее. Исторический альманах. Т. 3. Париж 1991.

Деммени 1934: Деммени Е. С. Театр марионеток // Кукольные театры Ленгюза. Л. 1934. С. 9—14.

Деммени 1986: *его же*. Призвание — Кукольник. Л. 1986.

Дрейден: Дрейден С. И Кукольных дел мастер // Звезда, 1959, № 12.

Кострова: Кострова Н. Первые советские кукольники (по неопубликованным материалам архива Музея ГАЦТК). // Что же такое театр кукол? Сборник статей. М. 1990.

Крандиевская-Толстая 1977: Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л., 1977.

Крандиевская 1992: *ее же*. Наш разрыв // Столица. 1992. № 21.

Лукьянова: Лукьянова Нина. Из первых уст. Выступление Наталии Толстой в Витебске. www.chagal-vitebsk.com/node/119.

Переписка: Крюкова А. М., ред., сост. Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1, 2.

Оклянский 2009: Оклянский Ю. А. Беспутный классик и кентавр. М. 2009. Ч. 3, 5 *passim*.

Перхин 2000: Перхин В. В. А. Н. Толстой в Русском Берлине (по материалам допроса Г. Д. Венуса в 1938 году). // Русская литература. 2000 №1.

Петровский 2006: *Петровский М.* Что отпирает «Золотой ключик?» // Мирон Петровский. Книжки нашего детства. СПб., 2006. (Первый вариант: Вопросы литературы. 1979. № 4.

Смирнова: *Смирнова Н. И.* Советский театр кукол, М. 1963.

Толстая 2006: *Толстая Е. Д.* «Детоть или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель. 1917—1923. М.: РГГУ, 2006.

Толстая 2008: *ее же.* «Любовь Шапорина в работе над оперой „Декабристы“». // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. Сост., ред. О. И. Киянская. М. РГГУ, 2008.

Толстая 2010: *ее же.* «Алешка» и «Аннушка». К истории литературных отношений Анны Ахматовой и Алексея Толстого. // *Toronto Slavic Quarterly.* № 31 (2010).

Толстая М.: *Толстая М. А.* Тихая музыка памяти // Нева. 1987. № 7, 8.

Толстой Д. 1995: *Толстой Д. А.* Для чего все это было. СПб. 1995.

Шапорина рук: *Шапорина Л. В.* Дневник. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф.1086, ед. хр. 2, 3, 4, 5, 13, 22, 26. (Номер единицы хранения и листа обозначается в скобках в тексте только в тех случаях, когда запись не датирована).

Шапорина 1996: *ее же.* «Хочу записывать дела наших дней...». Публикация В. Ф. Петровой. Российская национальная библиотека. Рукописные памятники. Вып.1. СПб. 1996.

Шапорина 1997: *ее же.* *Diaries of Lyubov Vasilievna Shaporina.* // Véronique Garros, Natalia Korenevskaya, Thomas Lahusen. *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s.* The New Press, 1997. [books.google.com/books?isbn=1565843983...](https://books.google.com/books?isbn=1565843983)

Шварц 1992: Евгений Шварц. Житие сказочника. Из автобиографической прозы. Письма. Воспоминания о писателе. М. 1991.